

Фёдор Быханов

На столе и за столом

Юмористический роман

18+

Фёдор Быханов
На столе и за столом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Быханов Ф. И.

На столе и за столом / Ф. И. Быханов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Умные люди подсмотрели за тем, как прочие вкушают то, чем порадовала их судьба. И сделали неутешительный вывод. О том, что каждый есть то, что он ест! И очень правильное получилось умозаключение. Интеллигент без салфетки, вилки, ложки и ножа даже за стол не сядет. Простолюдин же готов обойтись и без этого. Пальцами всё что нужно выловит из кастрюли. Самое главное, чтобы под крышкой оказалось что-либо жирное, калорийное и от того могло насытить для тяжёлого физического труда. Хотя есть и середнячки в деле кулинарии. Такие и в ресторане не стушуются, и на полевом стане не отстанут от других во время обеденного перерыва. Как это удаётся героям юмористического романа Фёдора Быханова под названием "На столе и за столом". Уж они точно - плоть от плоти настоящего русского человека, готового в любой момент и в мир, и в пир и на ратное поле!

© Быханов Ф. И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Совет с экрана	7
Сомнения	8
Выход	9
У цели	10
Пальцы шаловливые	11
Курильщики	12
Восточные мотивы	13
Циркуль	14
Друзья	15
Спасение	16
Отмщение	17
Санкции	18
Пасечник	19
Чаепитие	20
Утоление жажды	21
Крышки	22
Ремонтник	23
Кошелёк	25
Чистый двор	26
Часть вторая	27
Уроки детства	28
Гостинец	29
Вилка в булочной	30
Лишние калории	31
По миру	32
Акцизы	33
Часть третья	34
Под колючкой	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Тот может поваром считаться по рождению, кто «выпекал» в песочнице кулич,
В чай добавлял для сладости варенья и на открытии охоты кушал дичь.
Вот и Фома умеет к поварёшке найти подход сугубо поварской:
Уху разлить, способен он по площадкам, как ни в одной столовой заводской!
Почистит лук, не проронив слезинки. Натрёт морковку, словно Ким Ир Сен.
И в плове отделяются рисинки и на пирожном – однородный крем!
Заварит чай, учил как сам Конфуций – сперва прогрев заварник в кипятке.
Повяжет фартук не уныло-куцый, а расписной – как скатерть на столе!
Затеет борщ Фома не для проформы: мосол копчёный бросит в кипяток,
На грамм не выйдет за пределы нормы, промыв лаврушки за листом листок.
Морковь зажарит на беконе свежем. Туда же лук и свёклу бросит в срок.
И так укроп с петрушкой порежет, что сам собой желудок пустит сок.
Томат с капустой – тоже по рецепту: в борще ингредиентов лишних нет!
Фома и к аппетиту вносит лепту, какую ценит весь славянский свет.
Спечёт пампушки с корочкой румяной. Чеснок на каждую любовно нанесёт.
И подаёт свой борщ с такой сметаной, что даже ложка в ней не упадёт!
Секреты кулинарные умеет Фома усваивать буквально на ходу.
Едва котлета до кондиции поспеет, с огня снимает он сковороду.
Поджарку разрешает лишь картошке – чтобы хрустели ломтики во рту.
И сервирует вилки он и ложки, по-ресторанному, чтобы подать еду!
Слеза над луком чтоб не прошибала, его почистит способом своим:
Прикусит зубочистку для начала. Как фитонцидам справиться с таким?!Ножи перед заточкой в соли держит – тогда скорей возьмёт их оселок.
И поперёк волокон мясо режет. Желтком помажет каждый пирожок!
Ерёма завистью всегда к Фоме пылает. И требует: – Свари обед скорей!
На что приятель честно отвечает: – Я не могу на кухне двух вещей.
Посуду мыть – мне горше редьки горькой! Картошку чистить – не возьмусь вовек!
А потому жена с рассветной зорькой мне адресует с кухни свой привет!

Часть первая

Ложка к обеду

Начало

Как день приходит, так бывает пища – создателем никто не обделён!
Хоть есть нюансы: корку просит нищий, а крем-брюле – богатый гастроном...
Да и посуду подают по чину: кому – фаянс привычен на обед.
Другой, напялив важную личину, на серебре потребует фуршет!
Домашний выбор
Фоме жена нальёт рассольник в миску, в неё, потом – котлету и гарнир.
И просто со стола грызёт редиску под серый хлеб домашний командир.
В соседнем доме штат эмалировки успели на дюралей заменить.
Похоже, моют – бросив вилки-ложки в таз – без опаски что-то повредить.
Но, шанцевому скидка инструменту: Ерёме безразлично, чем хлебать.
Из алюминия использовали ленту, чтоб ложки с вилками легко наштамповать.

Совет с экрана

Пока однажды на экране лектор не взялся зрителя всерьёз разубеждать,
Мол, не спасёт и самый лучший доктор, еды культуру, коль, не соблюдать!
Эмаль, отколота на кастрюльной стенке: так, значит, заповедник в ней бацилл.
Снял ложкой алюминиевой пенки – себя к страданиям вовек приговорил!
У краснобая, доки убеждений на все готов убийственный резон,
И кто не слушает такого наставлений, проспал оздоровительный сезон.
Испортил карму личную к тому же, претендовать не смеет на успех.
И телезрителю такой напор досужий не внять нутром – невысказанный грех!
Фома ловил слова, как мошку чижик. Ерёма рот нечаянно раскрыл,
Он с детства прочитал немало книжек, а вот такую одолеть забыл.
Тогда как лектор время не теряет. Он в тезисах совсем вождю сродни,
Едва одно сужденье завершает, как уж другое есть тому сродни.
Пример здоровой жизни прост, как репа и телевизор это подтвердил:
Всю передачу не было рецепта, в котором бы не «Цептор» всё варил!

Сомнения

Фома, расстроенный уселся на крылечке, чтоб вспомнить, как травился столько лет.
Дым сигаретный, скорбные колечки нанизывал в кладбищенский букет.
Про язву прободную и гастриты теперь наслышан больше чем студент.
Не нужно, чтоб погибнуть, динамита – в железной миске счастье съел в момент!
Тут и Ерёма вышел уязвлённый. Гадал теперь, как будет за столом
Брать в руки алюминий посрамлённый, какой давно забросили кругом.
Зачем котлеты жарил в сковородке, магнит к какой, и тот не прилипал?
Зачем в закуску ломтики селёдки дешёвой вилкой прежде подцеплял?

Выход

Делиться горем легче, если вместе. Тем более что повод подоспел:
Фоме нажарили сосисок прямо в тесте, а у Ерёмы чайник закипел.
Сошлись друзья у общего забора. В лист лопуха Фома еду сложил.
Тогда как мух слетелась сразу свора, едва варенье под ноги пролил.
Теперь не старого режима все повадки, чтоб ложкой чайной сладкое вкушать,
Дюралюминий для кладбищенской оградки дозволено теперь лишь применять.
Стакан гранёный осушив за встречу, один другому выход предложил:
Поехать в город, где им обеспечат всё, что так лектор складно говорил!

Перемены

Рай деревенский, всё, где нараспашку, давно остался в прошлом навсегда.
Другим с себя не снимут здесь рубашку, не пустят в дом повинного врага.
Всеми цена назначена, конечно, так что бесплатного не ждали ничего
И в город собирались не беспечно, взяв лучшее с достатка своего.
Фома в пункт «Вторчермета» снёс посуду. Борясь за жизнь, на лом все миски сдал.
Ерёма вилок алюминиевых грудю унёс туда же, как цветной металл.
Пришлось им с жёнами, конечно, повозиться. Те отстояли, что-то из кастрюль.
А так соседи, как в полёте птицы, теперь недосыгаемы для пуль!

У цели

Мотор у «Запорожца» слабоватый, зато заводится – лишь с горки подтолкнуть.
Так что Ерёма, на штанах – заплаты, в своей машине снаряжился в путь.
У «Москвича» запросы, как у сноба: бензин и масло только заливай,
Зимой не выводи его в сугробы, а летом ровную дорогу подавай!
Протарахтел Фома вослед Ерёме. Развеялся дымок их выхлопной,
А то, что жизнь стояла на изломе, не знали оба и никто другой.
Отправились туда, где ждал избыток полезной утвари для кулинарных дел.
Но, только на экране слишком прыток был лектор, кто им «Цептор» так воспел!
На самом деле импортной посуды ударил ценник, словно кирпичом,
Поскольку продавали это чудо дороже «Запорожца» с «Москвичом»!
Просчёт
Конечно, можно было сбыть машины или кредиты в банке попросить,
Безденежье, как вескую причину, друзьям неловко было применить.
Сошлись на том, что можно взять в рассрочку или одну кастрюлю на двоих,
Коль с алюминием поставили уж точку, как и с эмалью, что была у них.
Полдня прошло, пока друзья рядились: брать или нет, товар столь дорогой?
Когда же вновь за «Цептором» явились, кастрюль уж не было, буквально, ни одной.
Смели с витрин их не гонцы с деревни, которых сагитировал экран.
Весь импорт горожане в страхе древнем, скупили, санкции предвидя разных стран!

Пальцы шаловливые

К обеду шло, когда домой вернулись с непотрошеной денежной мошной.
И слюнки у обоих навернулись от вкусных запахов, стоявших над плитой.
Кастрюль оставшихся хватило, чтобы выжить. Капустных щей нет ничего вкусней!
Жаль, через край пришлось их только выпить, ведь, ложки сдали, хоть за то убей...
С картошкой вареной и листьями капусты, остались от бульона, что на дне,
Могло быть расставанье слишком грустным, пришлось их пальцами все доставать Фоме.
Обед хорош, когда релакс за следом. Жирок чтоб завязался, нужно тут
По сигаретке принять непоседам, кому по нраву, табачок, коль, крут.
Что вред сплошной, их вовсе не пугает. Что не рискнуть тут буйной головой?!
Лишь только пачку кто-то открывает, к ней тут же тянутся «стрелки» наперебой.

Курильщики

Есть ситуации, когда – хоть лезь на стенки, но не поможешь горю, еже ей.
Ведь, даже лакомство под вид с варенья пенки, жизнь наступившую, не делает светлей.
Все ж потому, что пачка опустела – чем в зубы дать, чтоб повалил дымок!
Без перекура и Фоме не дело и у Ерёмы – чувства на замок.
Вот так помучавшись до самого обеда, в столовую помчались во всю прыть,
Не столько за борщом, котлетой, хлебом, сколь с целью сигаретку подстрелить!
Но у раздачи, та же всё картина – на уши мужиков хоть не смотри:
От недостатка дозы никотина опухли и горят как фонари...
Не отыскать окурков под ногами. Не то чтоб угоститься закурить.
В курилке прежде гогот был часами, теперь же не о чем минуту говорить.
Тем стало легче, кто куренье бросил и твёрдо перешёл на леденцы.
Те сладости в своём кисете носит, махорку, где держали их отцы.
Но и таким пока не очень сладко – с конфеткой не смешон так анекдот,
Как было, когда пришлые порядки еще не огорчили так народ.
Доволен председатель лишь итогом. Ему по нраву этакий расклад,
Когда сигаркой не дымят под стогом иль, где солярки расположен склад.
И не один инспектор их пожарный просил поднять с курением борьбу,
Тому и фельдшер очень благодарный, что пресекли заразу на корню.
– Как побороть привычку получилось? Что помогло развеять сизый дым?
На совещании спросили, что случилось среди тех, кто ненавидит никотин.
Он свой ответ разбил на два этапа. Мол, поначалу только бил рублём:
Была тому прибавлена зарплата, кто дымом их не портит окоём!
Да и второй момент по строгой воле: лишь только женам деньги выдают,
Так что супруги, провожая в поле, всё до махоринки изымут, что найдут!

Жизнь так устроена, что есть всему отрада
И женщины не всюду держат масть.
Гарем в пример тут привести бы надо,
Где у мужчин особенная власть!

Восточные мотивы

Об этом вспомнишь, погружая руку в рис на баранине с морковкой отварной,
Ведь, есть «без вилок» выучить науку, с разумною возможно головой.
Когда не пристыдили святотатством, кто нарушал столь древний этикет,
Решил Ерёма в стан перебираться, запретов где – руками кушать – нет!
Про бешбармак намёк подал супруге, а то и плов могла б ему сварить,
Чтобы пригоршнею их собирать на блюде, как те, кто на востоке любят жить.
В свой суп Ерёма пальцами не лазил, когда отпил всю юшку через край.
Отвёртку он для этого приладил. – Ты, пассатигами! – велит жене. – Хватай!
В том привыкать уже не нужно было, ведь, всякий инструмент тогда в ходу,
Когда нужда дорожку замостила туда, где сам пойдёшь в узде на поводу.

Циркуль

Известны случаи, когда высокий статус подвёл и князя, что свалился в грязь,
Так что порой как самый точный лакмус считается может в штатном поле вязь.
Не оттого ли срок есть испытаний, пройти который ныне должен всяк,
Но самомнений избежать терзаний двери мешает должностной косяк.
Фома, как все, кто в рядовом обличье, спешил с зарёй наряд свой получить,
Сопровождаемый веселым гамом птичьим, который с нот трудненько разучить.
И вдруг в пыли, куда ногой он целил, блеснул предмет, заставив отступить.
Когда разгрёб, не рыжика мицелий, не рубль нашёл, не на катушке нить.
Лежал, хозяина, давненько дожидаясь, чертёжный циркуль с грифелем, с иглой.
Взял разглядеть, над тропкой разгибаясь, и оценил копеечной ценой.
Но жалко выбросить бездельную находку – и в школе к чертежам не подходил.
В карман засунул и быстрее походкой Фома на стан бригадный поспешил.
Простой работы мало не бывает. В ходу топор, лопата, грабли, лом.
А тут к обеду повар созывает с лапши кастрюлей за бригадным их столом.
Покаялся Фома тут за проделку, домой, что вилку с ложкой утащил,
Так что с едою полную тарелку руками есть, себя приговорил.
Про циркуль вспомнил. И довольно ловко, как азиаты – палочками, съел
Лапшу с подливой. В ней же и морковку едок сноровистый совсем не пожалел.
От зрелища того оторопели все сотрапезники, не ведавшие то,
Что прежде за Фомой не разглядели природный ум и к чертежам чутьё!
Посыпались заказы, как из бочки: тому проект сарая начертить,
Другому на болоте, там, где кочки, солярий и бассейн установить!
Так в роль свою вошел специалиста, что стал Фома учить: «Как текст писать!».
Про декорации подсказывал артисту. А дворнику – как траву подстригать!
Так бы, глядишь, в начальники пробился, но утолить пришлось у чванства прыть.
В худой карман тот циркуль провалился, который было некогда зашить.
Затем и он восточный принял опыт: бревно на палочки китайские извёл.
И лишь когда жены поднялся ропот, другое с деревом занятие нашёл.

Друзья

Чурбан берёзовый разбил он на баклуши. Из каждой ложку выстрогал ножом.
С ней, разумеется, обедать стало лучше и в одиночку, и с товарищем вдвоём.
Он закадычный с самого измальства – и однокашник, и товарищ по труду.
А то, что не лишен, порой, зазнайства, так, на гольянов шука есть в пруду.
Прошли закалку армией селяне: Фома с Ерёмой в отличниках всегда.
А если находили их в бурьяне, то повод веский был тому всегда.
Вот и теперь, не простаки встречались. У каждого в кармане есть своё.
Каким бы, в прошлом, тут же и надрались, не позволяет только бытиё.
Когда ошибку совершили оба, исправить тоже нужно бы вдвоём.
Вот для чего, как к пиву нужно воблу, речей хотелось целый водоём.
Прошлый опыт
Припомнили, конечно, быт казармы, где в ложках алюминий был терпим,
А замполит не говорил про кармы, не звал за модной чашкой в магазин.
В той печке полевой, что едет следом, перловка так разварится всегда,
Что просят все добавку за обедом, хоть в калькуляции перловка и вода!
Не подобало воинам суровым пенять на трудности до дембельской красы,
Тем более сказать плохое слово на алюминий лётной чистоты.
Да и теперь напрасно встряли в драку, осталось все обратно повернуть,
Ведь усмирить, возможно, и собаку, которая сподобилась куснуть.
Совет военный завершился планом. Пошли Фома с Ерёмой туда,
Где с утюгом и старым медным краном, сдавали ложки, вилки, провода...
Вернуть посуду прежнюю желали. Приёмщик душу в пятки потерял,
Но не сдавался: «Весь утиль послали, прям на завод, где плавится металл!».

Спасение

Но выход есть, коль было место входа. С завода бартер чугунами поступил.
Вошла замена импорта, раз, в моду, их производство он восстановил!
Ерёма глянул с радостью немалой: такую утварью крещение прошёл:
Картошечку с лучком, укропом, салом на праздник в детстве ставили на стол!
– По очереди брали своё ложкой, – вздохнул Фома и лоб потёр легко. –
Ведь, если поспешишь хотя б немножко, отец напомнит ложкой: « Кто есть кто?!».
Домой несли приобретение важно: им сносу нет по правде, еже ей!
А также ложкой деревянною вальжно, учить удобно расшалившихся детей!

Отмщение

Налажен быт. Чего еще? – казалось! Но точит души дохленький червяк,
Что лектор обманул совсем не малость и должен поплатиться, коли так!
Петицию послали для начальства, которое курирует экран.
Мол, верим телевизору с измальства, как пролетарии своей, и прочих стран!
«Так почему обманывают дерзко? Почто с привычных вилок есть нельзя?
Желаем, чтоб вернулась к нам железка!». И подписи поставили – «Друзья!».
У журналистов, знамо, что за норы. Как поперёк ответят им словцом,
Нагрнать может их большая свора, чтоб обозвать публично шельмецом!
И в этот раз не задержались долго. Наехало в деревню журналюг.
С такою тактикой травить флажками б волка, с какой высматривали сельский их досуг.
Но, достархан Фомы им показался, где приглашал руками кушать плов.
Да и не зря Ерёма постарался – в столярку превратить свой отчий кров.
Китайский палочек набрали по карману. И русских ложек оценили стать!
Так что устроили товарищам рекламу, какую специально не сыскать!

Санкции

Восточный люд теперь родней считает. Из Поднебесной тоже письма шлют!
Да и сограждане повсюду намекают, что их товар с руками оторвут.
Евросоюза деятели ловко поддеть хотели санкциями их,
Но там, где рис, есть также и перловка у тех «зелененьких», не знают кто шутих!
И за казан, в ком бешбармак варился, за палочки – «Пекинских уток» есть,
За чугунок перловки будут биться, так, что слетит и с сэра злая спесь!
Готовы санкции свернуть, как мягкий коврик. И пасть, как уж бывало, рады ниц,
Чтоб только под ушанкой русский бобрик не строился в колонны у границ!
Потёк их «Цептор» снова на витрины. Цена доступнее, чем в старые года.
Но за такой посудой в магазины, не мчится покупателей толпа.
Всё потому, что на экране лектор другую агитацию ведёт:
«Полезный пудинг из кастрюли «Цептор», но и в сравнение с перловкой не идёт!».

Есть и десерт из русской жизни сытой,
Какой особо ценят вдалеке
Коль чай парит, по чашечкам разлитый,
И есть мёдок в розетке на столе.

Пасечник

Кто черпал мёд большой столовой ложкой, тот знает вкус десерта до конца!
– И чтоб не баловал, взывая к «неотложке», пчела поможет, – по совету мудреца!
Так что понятна тяга к пчеловодству: на пасеке хранят здоровья дар!
Хотя бывает разным руководство, которому несут с полей нектар...
Ерёма улы возит по приметам. Весной – туда, где верба зацвела.
Где клевер – он всегда бывает летом и где гречиха вся – белым-бела!
И возвращаясь осенью обратно, в загаре, словно мавр, наш пчеловод.
Что ж: цветом кожи быть любым приятно, коль уважает знающий народ!
И у Фомы на мёде бизнес создан, хотя свой улей не таскает в лес.
Лицом своим всегда блее соды, а солнца луч его вгонят в стресс...
Однако ряд базарный их равняет. Не меньше банок, чем Ерёма-друг
Фома на свой прилавок выставляет и к мёду зазывает всех вокруг.
Его послушать, так под крышкой точно: – «Лишь майское цветение садов!»
Тогда как сам, не видели чтоб – ночью трудиться ради этого готов...
Разводит сахар по рецепту вора. Его и ставит пчелам на обед.
Не разглядит прохожий за забором – ведёт откуда, в улей – сладкий след.
Друзья торгуют мёдом после качки, когда сезон закончился уже,
И «мухи» впали в зимнюю уж спячку в омшаниках на частном их дворе.
Фома быстрее сбыл всё горожанам. Дешевле, ведь, товар он предлагал.
Ведром ли, банкой. А не то – стаканом! Смотри, сколь денег каждый вынимал.
Ерёма дольше, медленней торгует. И чаще тем – кто знает с прошлых лет,
Что мёд его действительно врачует и в каждой капле солнышка есть свет.
А тут Фома наведалься с канистрой – купил медку для собственных утех.
И одарил ухмылкой искристой: «Мне вредно то, что распродал для всех!».

Чаепитие

Бревно с вождём нести – не быть в накладе. Любой готов – лишь только позови.
Наверняка – представили в награде, всех кто в напарники заделаться смогли!
Так рассуждали, посмотрев картину «Почин великий» школьные друзья.
Уйти ж с субботника Фома нашёл причину: «Я заболел. Трудитесь без меня...».
А вот Ерёму вовсе не награды позвали поработать «с огоньком».
Белил известкой он и палисады, сгребал и мусор – чисто и ладом.
Шли год за годом. В школе, в институте. И повзрослев, остались при своих:
Фома не посвятит себя минуте бесплатной, где Ерёма за двоих!
Живут друзья пообок с малолетства. Внутри подворья – схожи в основном.
А с улицы – не знает куда деться, Ерёма от стыда за ближний дом:
Бурьян по пояс, где к Фоме калитка и штабель дров второй сезон лежит.
А смотрится одно лишь, как «с открытки» – в окне хозяин с чайником сидит!
Ерёма в чаепитиях – не дока. Всё некогда надолго сесть за стол.
Он чаще там, где ждут не слов, а прока – в саду работает, разводит в ульях пчёл.
А тут однажды над крыльцом повесил – портрет «Великий кормчий во весь рост»!
Гирляндами еще вокруг расцветил. Почти Пекинский получился пост.
Фома с вопросом: «Что так расстарался? Китайской грамоте не слишком-то учён!».
Ответил тот: «Приехать к нам собрался с Китая тот, кто чином обличён.
Он подведёт итог в благоустройстве. Отметит дом и улицу пред ним.
И как награду даст за беспокойство вагон заварки, вкусной, как жасмин!».
Фома за перспективу ухватился. И день, и ночь работал словно вол –
Где был бурьян, цветник там появился. Дровам другое место он нашёл.
Ну, жать пождать товарища с Востока для чайной церемонии своей.
Ещё и переспрашивает: «Скока осталось до визита полных дней?».
Вздыхнул Ерёма с хитрецей во взгляде: «Не уродился в Поднебесной чай.
Но будет пусть усадьба «При параде». Вдруг, кто другой заедет невзначай...».

Утоление жажды

Кто не прогуливал уроки анатомии, тот помнит, что программа говорит.
Мол, организм наш от того в гармонии, что из воды по сути состоит!
А вот Фома с Ерёмой в разночтении: – Как это можно – «Из одной воды»?
Когда друзья имеют и влечение к напиткам, доводящим до беды.
Один мешает пиво с «белой» водкою. Другой, не против кофе с коньяком,
Когда и бутерброд простой с селёдкой хмельную мутит голову потом.
Да и лечение – с водой совсем не связано. Фома рассол изводит по утрам.
А у Ерёмы дома все обязаны – квас подавать, коль взять не сможет сам.
О том ещё приятели заспорили: – Под газом, что полезнее всего?
«Оранж» – из апельсинов что спроворили. Иль «Кола» – непонятно из чего?
Тот разговор случился в чистом поле. Их агрегат доставку ждал семян.
Ещё заправщик потерялся что ли? У поваров в работе был изъян.
Никто не вёз обед, да и горячее закончилось у трактора внутри.
И зной полуденный усугубил всё прочее: во фляге не оставив и воды.
Берёзовый был колок, к счастью, рядом. Там тень нашли колхозники себе.
И вспомнили про детства чудо-влагу, которую пивали по весне...
Топор имелся в тракторе Ерёмы. На сеялке Фома нашел ведро.
И там, где зеленели густо кроны, отведали вкуснее, чем «Ситро».
Кто сок берёзовый испил, хотя б однажды, тот понял бы их радость, и восторг.
Когда в колке том утолили жажду, никто похвал иному не исторг.
Потом доставили компот, зерно, солярку. А сев закончив – в оптимальный срок,
В «Сельпо» пошли, потребовать: «К прилавку берёзовый чтоб поставляли сок!».

Крышки

К весне понятны стали нормативы, в «консервных» предъявляют что делах:
В погребе раздалась микровзрывы, варенье, где хранил Фома впотьмах.
И у Ерёмы та же неприятность. Не доложил, знать, сахарку в компот.
За то подстерегла его опасность, когда полез в подполье словно крот.
...Все в синяках, и поголовно в шишках, хотя погибели сумели избежать,
Когда сорвавшиеся от напора крышки, в их кладовых надумали летать.
Салют закончился, едва в подполье с банок закупорки умчались кто куда.
Опять по лестницам спустился к ним подранок, проверить, что испортила беда?
Фоме варенье жалко, несомненно, коль не успел на рынок все снести,
Но прогулявшись в пене по колено, в тазы сумел убыток наскрести.
Залил водой остатки «сладкой жизни». Дрожжей, сколь было, присовокупил.
А чтоб не повторились катаклизмы, не крышки, а перчатки применил.
Когда они за то «голосовали», что завершен брожения процесс,
Фома с супругой гостя и позвали, к тому имея явный интерес.
Провел им дегустацию Ерёма. Зигзагами обратно уходил,
Как в поисках пилот аэродрома, который сам себя и разбомбил.
Его реакция Фоме, как свист на «Старте». Пора, знать, выносить товар в народ.
И он в пылу коммерческом, в азарте устроил винокуренный завод.
Был змеевик придуман не случайно: «Зеленый змий» сквозь трубку пробежал.
И вот уже горит он в ложке чайной, напиток, что вареньем побывал.
У поллитровок внешность без изъяна – на этикетках золото и лак.
А то, что разливается в стаканы, не каждый догадается мастак...
Но все ж нашлась и в этом экспертиза, когда Фомы изъяли самогон
И штрафом обернулась та реприза, что вслед за крышками хотел исполнить он.
С тех пор Фоме уже не до гулянки. А вот Ерёма лишь уроку рад:
Он, ягоду закатывая в банки, нисколько не жалеет рафинад!

Ремонтник

На голову подобно снегу нагрязнуть может и ремонт.
Хотя зимой готовь телегу, а коль промок, спасёт ли зонт?
Заблаговременно готовить, всё нужно, как ни посмотри
И прежде чем чего-то строить, кирпич и глину завези!
Но у Ерёмы всё иначе: внезапен в их семье уклад.
Коль не исполнишь – жена плачет или берётся за ухват.
А тут взялась за интерьеры, поутру встав не с той ноги.
Велит: «Заменим все портьеры! В «Сельмаг» за новыми – иди!
Купи там, заодно и мелу. Покроем стены в белый цвет.
Вдруг в гости пригласим капеллу на праздничный к себе обед?!
Ещё поправь во двор калитку, чтоб не скрипела на ветру.
И положи такую плитку, ходить, чтоб можно по двору!».
Составил списочек Ерёма и в магазин купить пошел:
Мел – для побелки всего дома, а для навесов – солидол.
Не ожидал, рубли сжимая, в своём рабочем кулаке,
Что выпадет судьба иная: «Сельмаг» их нынче на замке.
Лишь продуктовый магазинчик исполнит повседневный спрос:
Здесь продадут вина графинчик. Отсутствует лишь купорос.
И остальной приклад для стройки тут не укупишь. Вот дела!
Но за прилавком в виде стойки его окликнул вдруг Фома:
«Не огорчайся, друг, напрасно, во всём, что нужно, пособим.
«Молочка» подойдёт прекрасно с предназначением двойным.
Мы «Сливочным» торгуем маслом из масла пальмы в основном.
Так что заменит всяким часом нигрол и даже солидол!
Из порошка – пакет «Молочный». В нём – мел, разбавленный водой.
Им побели: и будут точно – сиять все стены белизной!».
Про плитки, что для тротуара, Ерёма спрашивать не стал,
Коль бакалейного товара годами сохнет «пьедестал».
Спросил Фому он в горьком стоне: «А кушать будет что семья?».
«Всё то, что вырастил в пригоне и в огороде у себя!».
Бутербродное дерево
Кусок сухой не слишком лезет в горло. Вкуснее – смальцем сделаешь его.
А с маслом сливочным – солидным бутербродом такое кушанье всегда назвать легко!
Но в холодильник, сунувшись голодным, достанешь маслице, по твердости – как лёд!
И нужно ждать, чтоб для намазки годным кусочек стал на славный бутерброд.
Так было в детстве, в юности Ерёмы. Лишь повзрослев, он оценил прогресс:
Такое масло появилось дома, хотя с мороза – мажется в присест.
Не аппетитное его названье «Рама» само сошло, весной, как лёд с реки.
Всё «Сливочным» зовут, хотя ни грамма не замерзает, стуже вопреки.
Своим открытием Ерёма поделился с приятелем, державшим магазин,
Чему, однако, тот не удивился: «Продукт теперь не мёрзнет, ни один!».
Фома был сведущ по всему, что ныне к витринам покупателей зовёт
И у него, и даже в магазине, где продают запчасти и тавот!
Он творожок предложил для проверки, головку сыра, колбасы батон.
И белый хлеб, нарезанный под гренки, мороз не брал в свой каменный полон.
Ерёме невдомёк. Затылок чешет. Морозостойкий знает антифриз.

А тут, выходит, если друг не брешет, всему в основе – импортный сюрприз!
В Малайзии далёкой, пальмы спеют. Из их плодов: хоть – масло, хоть – гудрон.
И тем навар, кто с выгодой успеет другим намазать маслом тем батон!
Ерёма тут припомнил вдруг изжогу и тошноту, что подарил обед.
«Так что же делать? – обратился к другу. – Чтобы дожить мне до преклонных лет?».
« А не гонись тогда за дешевизной!», – ответил тот и новый дал совет. –
Чтоб ранней не закончилось всё тризной, лишь, дорогой вари себе обед!».
Ерёма рад последовать подсказке. Зарплату всю потратил на сырок.
Да только тот, как злой волшебник в сказке, не стал в морозный застывать кусок.
Видать, надул Фома с ценой огромной. Так истину, конечно, не понять.
А потому решил с тех пор Ерёма купить корову, масло чтоб сбивать!

Кошелёк

Органика – у знатоков в почёте! И прочий люд, не ведая о том,
Её же хвалит дома ль, на работе, когда обедает с салатом, с пирогом...
Ведь, вырастить лучок, редис на грядке и огурец, чтоб плети распустил,
Тогда прекрасно, если грунт в порядке: всей плодородной силы накопил!
Вот тут как раз и важен для внесенья тот перегной, копился что зимой,
И если не лениться в час весенний, то к осени всё вырастет стеной!
Где взять назём? Есть адресок отличный. Ерёма по нему как раз живёт.
В своём хозяйстве – сплошь единоличном, прожорливый выращивает скот.
Так что любому в просьбе не откажет и даже рад, когда идёт народ.
И как грузить, ухватисто покажет, и много за товар свой не возьмёт.
И всё же накопилось удобрений с лишком таким, что чуть ли не Монблан!
Не спрятаться тут от соседских мнений, под окнами которых этот срам!
Фома ругаться – мастер на все руки. Крик не поможет, есть и кулаки.
И если в ссору встрянет не от скуки, то неминуемо оставит синяки.
Но только глянул с ходу на Ерёму, потух в Фоме скандальный огонёк:
Тот чуть слезу не утирал соломой, рвал с головы своей за клоком клок...
Причина горя – вам не трали-вали: «Пошла жена Бурёнку подоить,
А чтоб на пальцах кольца не мешали, решила золото всё в кошелёк сложить.
Да и забыла вещь свою в кормушке. Когда же вспомнила – исправить уж нельзя:
Сжевав кошель, десерт как на пирушке, не ест корова сена уж три дня».
Фоме сказать – как будто объявление повесить в клубе или на сарай.
Вмиг началось в селе столпотворение – смели навоз, как будто был Мамай.
Но не нашли ни золото, ни лома, хотя органика пошла любому впрок.
– Ошибся я, – признался всем Ерёма. – В серванте жёнушка забыла кошелёк!

Чистый двор

Зимой снега у Фомы не просят. И этот факт ему не по душе.
Весь двор – в сугробах, что метель наносит до дверцы на чердачном этаже.
Так что жалеет, что снежок – не сладость, а потому – не нужен никому.
Но самому лопату взять – не в радость. И снег кидать не хочется ему.
Сосед Ерёма (что уж тут лукавить), вмиг оценил, проблемный сей момент:
«Опять весной во двор к нему направит свои ручки беспутный элемент...».
Сам он такого позволять не смеет: на огород снежок стаскал давно,
Чего Фома никак не понимает, хоть наблюдал за этим он в окно.
Тогда как солнце не даёт надежду на то, что припозднится вдруг весна.
Уже в демисезонную одежду принарядилась с улицы толпа.
Но вот однажды, в час послеобедний раздался стук. И уж Фома не спит.
В окошко глянул на своих соседей, а там Ерёма короб мастерит.
Листы фанеры сшил он аккуратно. Не пожалел гвоздей на стенки он.
Затем на крышке адресок обратный написан был роднейшей из сторон.
«Зачем, приятель, ёмкость из фанеры тебе такая срочно вдруг нужна?».
А тот ответил хитреньким манером: «Заказан ящик из-за рубежа!
Там гонки лыжные наметили по плану, да только снег не выпал. Хоть – убей!
Я им по почте за большую плату сугроб и вышлю без больших затей!».
«А можно мне немножко бандеролей туда ж отправить лучшего снежка?».
Спросил Фома и словно шайка троллей, набил он снегом тридцать три мешка!
Чист двор как стёклышко – сугроб вошел в программу. Но огорчил соседа кислый вид:
Пришла, мол, от буржуев телеграмма: «Снег им не нужен. Свой – кругом лежит!»
Но похвалил за «бандеролей» груды: «Они для грядок – лучшие дары...».
И засмеялся: «В половодье будут у нас с тобой, сухие, друг, дворы!».

Часть вторая
Горбушка
Хлеб-соль

Кто навещал шестую долю суши, тот не забыл с советских тех времён,
Как хлеб вручали с солью, чтоб не кушать, а в знак, что уваженьем обличён!
Тот каравай: на рушнике, на блюде не каждому сподобилось принять,
Но нет обиды, коли знают люди, что хлеб, действительно, вовеки – благодать!

Уроки детства

Фома мальцом любил шнырять у печки, где борщ варила мама – свежачок,
Или подливу к рису, пшонке, гречке: на сале жаря репчатый лучок.
Вот это лакомство, со сковородки прямо перепало. Не шалил когда,
На хлебную горбушку сложит мама лучок со шкварками. Вкуснейшая еда!
Ерёма тоже не барчук с рожденья, батоном белым не макал он в мёд,
Не лил из банки он на хлеб варенье, готовя царский сдобный бутерброд.
Он повседневно хлебушек крошит вкус к чёрствой булке не оставив свой,
Чтоб с маслицем – подсолнечным, хорошим, поставить чашку тюри пред собой.
Опять же лук, щепотка соли грубой так раззадорят «зверский» аппетит
Что только чашку вымакать не любо: добавка к ней никак не повредит!
Опять же корочка ещё не подводила, когда в тарелке из рубина борщ.
В нем крошки хлеба добавляют силы и ты, эстет, напрасно лоб не морщ!

Гостинец

Династиям в колхозе перевода не будет, знамо дело, никогда:
Где дед с отцом не ищут в речке брода, там внук и сын путь повторят всегда.
Ерёма помнит не остатком бреда про «зайчика гостинчик», что отец
С работы возвращаясь, от обеда, нес для него, как будто леденец!
Фоме и слаще доля выпадала: играть на улицу когда он выходил,
То пирожок с собою нёс, бывало, который с другом поровну делил.

Вилка в булочной

Давно ушло то время непростое, когда в «Сельмаге» только взять и мог
Две разновидности товара «из застоя»: кирпич «чернушки», белого ли бок.
Теперь прилавок стал разнообразней: тут нарезной лежит себе батон,
Какого не бывает, кортуазней, хоть обойди любую из сторон.
Багет французский рядом – длинномером. Присыпал «Бородинский» славно тмин.
И с маком, подозрительным манером, калач «Московский» – к чаю господин!
Не знать Ерёме ль прежние извилки, когда на ощупь мягкость проверять
Рукой не разрешалось. Так что вилки висели, корочку чтоб ловко протыкать.
Прогресс расставил всё как по ранжиру: под целлофаном выпечка кругом –
Микроб не занести и быть, знать, живу – с парным отведав крендель молоком.

Лишние калории

Но видят риск в ином себе особы, те, похудение кому уж не грозит.
Хотя и хочется им сладостей и сдобы, но тянутся, где серый хлеб лежит.
Из отрубей освоены рецепты. Зерно проросшее используют в печи.
И как в диету не заметить лепты, от холодильника припрятал кто ключи?!
Устанет кто, тогда на всё мучное антагонизма нет. Наоборот –
Ломоть «Пшеничного» с варёной колбасою сжует и снова просит бутерброд.
Вот здесь не будет лишнею ремарка «Негоже забывать ингредиент».
Не манит, ведь, полнёхонькая чарка, коль налита не в радостный момент.
Хлеб – голова всему всенепременно. А вместе с ним в почёте сала шмат.
С горбушкой примется коленопреклоненно из огурцов, с редискою ль салат.
Годится, если ломтик сверху ляжет, отхваченный, от сырной головы.
Не ошибётся, маслом кто намажет или отведаёт под булочку халвы.

По миру

Противоречий, словом, не бывает у хлеба, ни с какой другой едой,
И даже в Поднебесной привыкают работать пекари с алтайской мукой.
В Египте ест потомок фараонов краюху, что с Сибири завезли,
В ООН осталось свод принять законов, чтоб хлеб в небесный символ занесли.
Пока же разное к горбушке отношение, её, как бы, не видят на столе,
Пока не подойдет пора лишений, когда сухарь поднимется в цене!
Фома, бывало, видел «в клетку» небо, где пайкою, конечно, дорожил.
Исправившись, к свободе, словно к хлебу, себя он относиться приучил.
И у Ерёмы так, и не иначе. Причем, не знал искусов ни когда.
Нет лишних денег, вовсе не заплачет. Была б горбушка. С родника вода!
Так что не просто кормит нас пшеница, рожь стойкости и силы придаёт.
Обязаны мы хлебу поклониться, что по судьбе он каждого ведёт!
Признание тому есть по закону,
Акциз на хлеб не значит нигде,
Не то, что водке и одеколону,
Бензину же. И далее везде...

АКЦИЗЫ

О роскоши все помнят старожилы: им не забыть о молодых годах,
Когда считались роскошью машины, меха и моль, живущая в коврах.
Про золото и говорить не нужно, вся «ювелирка» числилась такой.
И в очереди двигались окружно, серёжки жёнушке купить, чтоб дорогой.
Сей перечень не оставался догмой. Он пополнялся тем, в чём дефицит.
Хотя не стала золотую вобла, что под прилавком скромненько лежит.
Но в ту же пору стройки коммунизма и роста отпускных на роскошь цен,
Порой удешевляла вдруг Отчизна товар другой, что нужен был не всем.
Бесплатный не забыл Фома учебник. Ерёма помнит бублик за пятак.
Не то, что нынче, где возьмите ценник – на нём все цифры взяты не за «так».
Автомобиль – не роскошь априори. Талон не нужен, чтоб его купить.
Но разорить готов до нитки вскоре, едва решишь «под пробку» бак залить.
Как некогда на «роскошь» шла наценка, теперь акцизами обременён бензин.
Да и гараж – небеленая стенка подсократил походы в магазин.
Налоги на недвижимость подняли до уровня «всерьёзной» цены.
Той самой, за какую бы не стали её скупать ни он, ни я, ни ты!
Сидит Фома, затылок личный чешет над пачкой принесенных в дом квитков.
И в каждом, (коль бухгалтер нам не брешет), «ком снежный» неоплаченных долгов.
Ерёму этот рост дороговизны похожим образом до печени достал.
Особенно того, что прежде в жизни он никогда не ведал и ни знал.
Ремонта капитального не видно, но денежку в оплату не жалеет.
Чтоб было с яблочка домашнего повидло, свой сад водицей дорогой полей.
Ведь взыщут за: работу и насоса, и электричество, что крутит его вал.
А также снять готовы знак вопроса, за то, чтоб и за провод отвечал.
Обыденным всё это стало делом. «А роскошь в чём?», – Ерёме не понять.
«В общении! – Фома заметил смело. – Пока акциз не вздумали вменить!».

Часть третья

Грибники

Характеры

Грибной супец всегда себя похвалит, коль, налит всем сидящим за столом.
Да и пирог с груздями не отставит едок разборчивый, мол: «Скушаю потом!».
А вот запас боровиков сушёных иль банок маринованных опят
Создать не просто, если нет знакомых, кто по грибы сводить вдруг захотят.
Такой Ерёма с доброю душою: родню из города приветит на все сто.
И обязательно возьмёт того с собою, набрать, кто хочет рыжиков ведро.
Фома – иного облика и нрава. Места все изучив наперечёт,
Коль грибников пожалует орава, в безгрибье, как Сусанин, заведёт.
Зато потом предложит на дорогу продукт готовый с бочки, иль шестка.
Да и запросит за него немного: дешевле, чем на торжище с лотка!
Не разлей вода!
Но меж собой приятели не спорят, возможности друг друга изучив.
А потому не ведали про горе, что уготовит им грибной мотив.
Что испытает на изгиб и скрутку их дружбу, что водой не разольешь,
Да и с селом устроит им разлуку, с какою «Лазаря» – не хочешь, а споешь!

Под колючкой

Все перемены подошли с дождями, когда в лесу грибницу развезло
И в рост пошли с полезными грибами все те, что лихоманкой занесло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.